

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2021, №4, Том 12 / 2021, No 4, Vol 12 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2021.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK421.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Димитриева, О. А. Образ вакхического человека в произведениях Л.Н. Толстого / О. А. Димитриева // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2021. — Т. 12. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK421.pdf>

For citation:

Dimitrieva O.A. The image of the Bacchic man in the works of Leo Tolstoy. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 4(12): 02FLSK421. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK421.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

Димитриева Ольга Альбертовна

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева», Чебоксары, Россия
Научно-исследовательский институт этнопедагогике имени академика Российской академии образования Г.Н. Волкова
Доцент кафедры «Русского и чувашского языков», старший научный сотрудник
Кандидат филологических наук
E-mail: olgaal_79@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=799746

Researcher ID: <https://www.researcherid.com/rid/AAZ-3038-2020>

Образ вакхического человека в произведениях Л.Н. Толстого

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вербализация образа вакхического человека в произведениях Л.Н. Толстого. Актуальность работы обусловлена ее вхождением в круг исследований, связанных с изучением авторского идиостиля. Материалом для изысканий послужила выборка контекстов, имеющих в своем составе вакхическую лексику, т. е. те лексические единицы, семантика которых связана с ситуацией винопития, а именно характеризуют человека, употребляющего спиртное, его внешний вид, эмоциональное и физиологическое состояние, манеру речи и особенности походки и поведения в целом. Исследование выполнено на основе известных романов: «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», а также некоторых рассказов Л.Н. Толстого. Выявлено, что основной оценкой в репрезентации ситуации винопития и человека в ней является социальная и в широком контексте этическая, эксплицирующая философские и мировоззренческие взгляды автора. Отмечается, что лексема веселый и ее дериваты (повеселеть, весело, весельчак и др.) в «вакхическом» контексте становятся маркерами определенного стиля поведения и распорядка жизни, оцениваемого в негативном ключе и, как следствие, выделяется социальный класс с определенным стереотипом поведения. Автор подчеркивает, что отличительной чертой в описании внешности или состояния вакхического человека является перцепция «извне», а не «изнутри», сенсорная оценка, даваемая персонажу автором или другим героем. Детализированность событийного ряда в произведениях Л.Н. Толстого позволяет постепенно перейти с уровня перцептивных оценок (ольфакторных, визуальных и др.) на уровень духовного мира героя и эксплицировать этические, философские взгляды автора.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; идиостиль; семантика винопития; культура питания; национальный характер; менталитет; индивидуально-авторский образ мира; языковая картина мира

Вводные замечания

Ю.М. Лотман в своей известной книге «Беседы о русской культуре» отмечает, что «культура есть нечто общее для какого-либо коллектива, живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией <...> культура есть *форма общения между людьми*» [1, с. 6]. Описывая быт и традиции русского дворянства XVIII — начала XIX века, автор рассматривает те реалии и явления, которые характерны для мира дворянства указанного периода: платье и его покррой, дендизм, карточная игра, дуэль и др. Из определения культуры Ю.М. Лотмана подчеркнем важность следующих элементов: коллектив, одновременность, социальная связь. Живой иллюстрацией общности изменений в культуре может послужить «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», в котором описываются динамические процессы в лексике современного русского языка за последние почти уже два года¹. Так как нас в данном исследовании интересует сфера винопития как одна из значимых частей национальной культуры в целом и лингвокультуры [2; 3] в качестве примера приведем следующие вакхические номинации, которые выступают как результат интерпретации новых реалий и явлений окружающей действительности и быта: *алко-* и *виноизоляция* (об употреблении спиртного во время самоизоляции в период пандемии²), *вакцина*, *вакцинация* (контаминация: древнегреческий бог вина Вакх + **вакцина** / **вакцинация** — о средстве излечения от коронавирусной инфекции³), *карантейль*, *карантини* (наименования алкогольных напитков в период карантина, ср. *коктейль*, *мартини*⁴), *накарантиниться* («употребить слишком большое количество спиртного, находясь на карантине»⁵ — продуктивный способ словообразования *на-...-ся* со значением результата чрезмерного употребления спиртного ср. *напиться*, *налимониться*, *нажраться*, *назюзиться*, *накуликатся*, *наклюкаться* и т. п.), *зум-пьянка* — своего рода виртуальное винопитие через программу для организации видеоконференций Zoom⁶. Новые «коронавирусные» реалии накладывают свой отпечаток на бытовую сферу и интерпретируются или отражают мир сквозь призму текущих событий.

«Русский ассоциативный словарь», созданный в начале XXI века, также отображает живое употребление и представляет собой «речемыслительный портрет нашего современника, его взгляд на мир, окрашенный особенностями национального менталитета»⁷. В этом словаре в качестве реакций на стимул «пьяный» даются, во-первых, гендерные представления об участниках ситуации винопития (*мужик*, *мужчина*, *мужичок*, *дядя*, *человек*), во-вторых, профессиональные стереотипы (*водитель*, *студент*, *матрос*, *сапожник*, *учитель*, *шофер*), в-третьих, возрастные, национальные и социальные аспекты (*подросток*, *сосед*, *муж*, *бандит*, *русский*), в-четвертых, степень опьянения (*в стельку*, *в доску*, *в дуло*), в-пятых, оценочная характеристика пейоративной и мелиоративной семантики (*дурак*, *бедный*, *гад*, *нездоровый*, *несчастный*, *осел*, *подлый*, *рьяный*, *свин*, *черт*), в-шестых, наименование лица (*алкоголик*,

¹ Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Отв. ред. Н.Г. Приемышева. — СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. — 550 с.

² Там же. — С. 20, с. 36–37.

³ Там же. — С. 31.

⁴ Там же. — С. 65, с. 68–69.

⁵ Там же. — С. 193.

⁶ Там же. — С. 268.

⁷ Русский ассоциативный словарь. Том II. От реакции к стимулу / Под ред. Ю.Н. Караулова. — М.: Астрель, АСТ, 2003. — 992 с.

трезвенник); а также дается указание на действия пьяного человека (*дебош, валяется, лежит, упал*), его место нахождения или употребления спиртного (*вокзал, бар, забор, лужа*) и др.⁸

В мире художественного произведения раскрываются как индивидуально-авторский взгляд и способ представления окружающей действительности, так и общепринятые оценки и мнения. В текстах художественных произведений находят свое отражение представленные выше ассоциации, а также в описательный ряд включаются разноплановые оценки: ольфакторные, эстетические, этические, визуальные, перцептивные.

В произведениях авторов второй половины XIX века ситуация винопития редко оценивается как эстетическое наслаждение и изображается в виде красивых картин изобилия и изыска. Вспомним, например, описание места, где впервые Родион Раскольников встречает Мармеладова: *За застойкой находился мальчишка лет четырнадцати, и был другой мальчишка моложе, который подавал, если что спрашивали. Стояли крошеные огурцы, черные сухари и резанная кусочками рыба; всё это очень дурно пахло. Было душно, так что было даже нестерпимо сидеть, и всё до того было пропитано винным запахом, что, кажется, от одного этого воздуха можно было в пять минут сделаться пьяным* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание)⁹. При описании застолья даются названия блюд, но при этом отсутствуют какие-либо подробности их внешнего вида или емкостей, их содержащих, посуды, приборов, стола, не указывается цветовая гамма: *Угощенье было богатое: пироги, щи со свежиной, похлебка с потрохами, гуси жареные, солонина духовая с хреном, гусиные полотки, а после закуски разные: орехи, подсолнухи, столбики с инбирем и круглые прянички, а детям коньки пряничные. При этом, разумеется, было и выпито вдоволь и водки, и пива, и домашней браги, и меду сыченого. Костик так нахлебался, что на ногах не стоял и молот всякий вздор* (Н.С. Лесков. Житие одной бабы)¹⁰. Безусловно, некоторые отрывки произведений включают в себя эпикурейское мирозерцание: *Тогда, однажды зимой, в ясный и морозный вечер, впрочем, часу уже в двенадцатом, три чрезвычайно почтенные мужа сидели в комфортной и даже роскошно убранной комнате, в одном прекрасном двухэтажном доме на Петербургской стороне и занимались солидным и превосходным разговором на весьма любопытную тему. Эти три мужа были все трое в генеральских чинах. Сидели они вокруг маленького столика, каждый в прекрасном, мягком кресле, и между разговором тихо и комфортно потягивали шампанское. Бутылка стояла тут же на столике в серебряной вазе — со льдом* (Ф.М. Достоевский. Скверный анекдот)¹¹. Но такое описание создается в большей степени как средство экспликации социального контраста (в рассказе сравнивается ситуация празднования генеральского новоселья и свадьба подчиненного Пселдонимова, куда «случайно» попадает генерал Пралинский: *Он [сотрудник «Головешки»] прямо пробрался в привлекательную заднюю комнатку, где для танцующих кавалеров, еще с начала вечера, поставлена была на маленьком столике, накрытом ярславскою скатертью, водка двух сортов, селедка, икра ломтиками и бутылка крепчайшего хереса из национального погребка. Со злостью в сердце он налил было себе водки, как вдруг вбежал медицинский студент, с растрепанными волосами, первый танцор и канканер на бале Пселдонимова. Он с торопливою жадностью бросился к графину* (Ф.М. Достоевский. Скверный анекдот)¹¹. В этих двух отрывках противопоставляются

⁸ Подробнее см. Русский ассоциативный словарь. Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/>.

⁹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15-ти томах. — Л.: Наука, 1989. — Том 5. — Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/69/index.html>.

¹⁰ Лесков Н.С. Собрание сочинений в 6 т. — М.: Правда, 1973. — 431 с.

¹¹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15-ти томах. — Л.: Наука, 1989. — Том 4. — Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/65/p.1/index.html>.

следующие элементы ситуации винопития: напиток (*шампанское в серебряной вазе — со льдом / водка двух сортов, крепчайший херес из национального погребка*), манера питья (*тихо и комфортно потягивали / с торопливой жадностью бросился к графину*), место питья (*комфортная и даже роскошно убранная комната / привлекательная задняя комнатка для танцующих кавалеров*) и т. д. Все приведенные элементы создают социальный контраст и контекст для понимания последующих событий.

В описание внешнего вида пьющего человека включаются разнообразные характеристики: лицо (цвет, фактура), глаза (яркость, припухлость век), одежда (ее качество, чистота, целостность), манера речи (быстрота, связность, внятность), эмоции и чувства (слезливость, чувствительность и др.) и впечатление в целом. Каждый автор использует свой набор характеристик и свои языковые средства их описания [4; 5].

Целью данного исследования является выявление особенностей вербализации образа пьяного человека в произведениях Л.Н. Толстого. В качестве материала для исследования взяты основные романы Л.Н. Толстого — «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», а также повести и рассказы, представленные в сборнике¹².

Внешность вакхического человека

Одной из особенностей в описании внешности человека, пьющего спиртное, которые характерны для произведений Л.Н. Толстого, является нечастое употребление сенсорных оценок (визуальных, вкусовых и т. д.), здесь происходит переход из области чувственной в область этическую. Если в произведениях Ф.М. Достоевского уделяется подробное внимание описанию одежды, цвета и «фактуре» лица, описанию походки, речевых характеристик, которые имплицитно свидетельствуют о социальном статусе и явно не выражают авторского отношения (подробнее см. [4]), то Л.Н. Толстой отдает предпочтение этически и социально эксплицированной оценке. О.В. Ломакина отмечает, что концепт *грех* часто сопряжен с концептом *пьянство* [6; 7]. Рассмотрим некоторые особенности внешности и сенсорных оценок, проявляемых в произведениях Толстого.

Цвет лица

Одним из основных цветов, характеризующих пьяного человека, является *красный*. Рассмотрим следующие примеры:

1. *Маслова выпила, утерлась и в самом веселом расположении духа, повторяя сказанные ею слова: «для смелости», покачивая головой и улыбаясь, пошла за надзирательницей по коридору <...> Нехлюдов увидел ее [Маслову] в дверях, когда она еще не видала смотрящего. Лицо ее было красно. Она бойко шла за надзирателем и не переставая улыбалась, покачивая головой (Воскресение)¹³;*

2. *Во второй комнате, освещенной висячею лампой, за накрытым с остатками обеда и двумя бутылками столом сидел в австрийской куртке, облежавшей его широкую грудь и плечи, с большими белокурыми усами и очень красным лицом офицер. В теплой горнице,*

¹² Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 12-ти томах. — Т. 10. Повести и рассказы. 1872–1903. — М.: Художественная литература, 1975. — 432 с.

¹³ Толстой Л.Н. Воскресение: Роман. — Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1978. — С. 167–169.

кроме табачного запаха, пахло еще очень сильно какими-то крепкими дурными духами (Воскресение)¹⁴;

3. В столовой под лампой стоял стол, уставленный свечами и самыми необыкновенными вещами: сифоны, куколки на пробках, вино необыкновенное в графинах, необыкновенные закуски, водки. Они **выпили, съели, еще выпили, еще съели**, и разговор завязался. **Серпуховской раскраснелся** и стал говорить, не робея. Они говорили про женщин. У кого какая: цыганка, танцовщица, французженка (Холстомер)¹⁵;

4. Сани чуть подрагивали и покачивались, пристяжная ровно и весело скакала с своим круто подвязанным хвостом над наборной шлейей, ровная, масляная дорога быстро убежала назад, ямщик ухарски пошевеливал вожжами, адвокат, офицер, сидя напротив, что-то врал с соседкой Маковкиной, а она сама, завернувшись туго в шубу, сидела неподвижно и думала: «Все одно и то же, и все гадкое: **красные, глянцевитые лица с запахом вина и табаку**, те же речи, те же мысли, и все вертится около самой гадости. И все они довольны и уверены, что так надо, и могут так продолжать жить до смерти. Я не могу. Мне скучно (Отец Сергей)¹⁶.

В приведенных примерах отражено восприятие одного героя другим: в первом отрывке подчеркивается визуальная перцепция Нехлюдов увидел ее; во втором — также представлена картина, увиденная Нехлюдовым: к визуальным характеристикам добавляются ольфакторная (кроме табачного запаха, пахло) и осязательная (в теплой горнице); в третьем примере приведен взгляд собеседника Серпуховского — хозяина, мечтавшего похвастаться своими успехами, необыкновенными, с его точки зрения, вещами перед гостем — Серпуховским; в четвертом примере помимо визуальных (красные, глянцевитые лица), ольфакторных (с запахом вина и табаку) указывается отношение, этическая оценка героини-перцептора — *все гадкое, все вертится около самой гадости*.

Помимо цветовых и ольфакторных оценок («не вызывающих сочувствия у Л. Толстого», как отмечает Н.Л. Зыховская [8, с. 66; 9]), могут добавляться физиологические характеристики: *Все слушали с почтительным вниманием. Купец, распространяя вокруг себя запах вина и удерживая шумную отпрыжку, на каждую фразу одобрительно кивал головою (Воскресение)¹⁷; Скрипач сыграл ритурнель, аккомпаньаторша заколотила на пьянино аккомпанемент развеселой русской песни первой фигуры кадрили; как **маленький, потный, воняющий вином и икающий человек в белом галстуке и фраке**, который он снял во второй фигуре, подхватил ее, а другой толстяк с бородой, тоже во фраке (они приехали с какого-то бала), подхватил Клару, и как они долго вертелись, плясали, кричали, пили... (Воскресение)¹⁸; В недостроенном доме на Варварке, внизу которого был питейный дом, слышались пьяные крики и песни. На лавках у столов в небольшой грязной комнате сидело человек десять фабричных. Все они **пьяные, потные, с мутными глазами**, напряживаясь и широко разевая рты, пели какую-то песню (Война и мир)¹⁹. Как показывают примеры, дополнительными внешними проявлениями пьющего человека, по Л.Н. Толстому, являются *потливость, отпрыжка, икота*,*

¹⁴ Толстой Л.Н. Воскресение: Роман. — Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1978. — С. 397.

¹⁵ Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 10. Повести и рассказы. 1872–1903. — М.: Художественная литература, 1975. — С. 121.

¹⁶ Там же. — С. 353.

¹⁷ Толстой Л.Н. Воскресение. — С. 32.

¹⁸ Там же. — С. 254.

¹⁹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 9–12. Война и мир. — М.: Художественная литература, 1937. — Режим доступа: <http://tolstoy.ru/online/90/09/>.

обращается внимание на такое свойство глаз, как ясность/мутность (*мутные*). В последнем примере приведенное описание является общим для всех участников ситуации винопития.

Описание героя и его манеры поведения

Введение персонажа часто связано с портретными зарисовками, которые помимо внешности содержат качества человека, определяемые сквозь призму его регулярных поступков и манеры его поведения. Сравним два примера, в которых отношение к питью спиртного включается в ряд качеств героя:

1. *Хозяин был красавец лет двадцати пяти, свежий, холеный, расчесанный <...> Хозяин был рысистый охотник, крепьш-сангвиник, один из тех, которые никогда не переводятся, ездят в собольих шубах, бросают дорогие букеты актрисам, **пьют вино самое дорогое, с самой новой маркой, в самой дорогой гостинице, дают призы своего имени и содержат самую дорогую** (Холстомер)²⁰;*

2. *Приезжий, Никита Серпуховской, был человек лет за сорок, высокий, толстый, плешивый, с большими усами и бакенбардами. Он должен был быть очень красив. Теперь он опустился, видимо, физически, и морально, и денежно <...> Никита Серпуховской промотал в жизни состояние в два миллиона и остался еще должен сто двадцать тысяч. От такого куса всегда остается размах жизни, дающий кредит и возможность почти роскошно прожить еще лет десять. Лет десять уж проходили, и размах кончался, и Никите становилось грустно жить. Он начинал уже попивать, то есть хмелеть от вина, чего прежде с ним не бывало. **Пить же, собственно, он никогда не начинал и не кончал.** Более же всего заметно было его падение в беспокойстве взглядов (глаза его начинали бегать) и нетвердости интонаций и движений (Холстомер)²¹.*

В первом отрывке *пить вино* входит в описательные характеристики (*марка, гостиница*), вербализуемые с точки зрения социального статуса с помощью качественных прилагательных в форме превосходной степени (*самый дорогой, самый новый*). Репрезентантами статуса также является некий набор предметов: *собольи шубы, дорогие букеты, призы своего имени, содержанка*. Никита Серпуховской в момент описания занимает иное положение в обществе, определяемое автором как «*падение*» (*опустился физически, морально и денежно*) и, как результат его, происходит смена общего настроения героя, его отношения к жизни — «*грустно жить*». Одним из значимых здесь моментов является его «*взаимодействие*» с вином: *начал попивать, то есть хмелеть, но пить не начинал и не кончал*. Автор постепенно разоблачает перед читателями героя, выражает свое отношение к нему: *Он [Серпуховской] сел, снял китель, жилет и штаны стоптал с себя кое-как, но сапог долго не мог стащить, брюхо мягкое мешало. Кое-как стащил один, другой — бился, бился, запыхался и устал. И так, с ногой в голенище, повалился и захрапел, **наполняя всю комнату запахом табаку, вина и грязной старости** (Холстомер)²². Здесь ольфакторная характеристика — *запах табаку, вина и грязной старости* — пересекается с этической оценкой (*грязная старость*) и как приговор звучит последний абзац рассказа, начинающийся словами: *Ходившее по свету, евшее и пившее мертвое тело Серпуховского убрали в землю гораздо после*. Е.П. Филиппова отмечает проявление идейно-философских взглядов автора в концовке рассказа [10]. Детализированность событийного ряда позволяет постепенно перейти с уровня перцептивных*

²⁰ Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 10. Повести и рассказы. 1872–1903. — М.: Художественная литература, 1975. — С. 118.

²¹ Там же. — С. 119.

²² Там же. — С. 123.

оценок на уровень духовного мира героя и эксплицировать этические, философские взгляды автора.

Эмоциональное состояние как социальный маркер

Нами уже ранее отмечалось, что лексема *веселый* и образованные от нее лексические единицы (*весело, повеселеть* и т. д.) в окружении вакхической лексики в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» приобретают дополнительные смыслы, связываются с определенным «алгоритмом» социального поведения и стилем жизни (подробнее см. [11]). Как показывают отрывки из других произведений автора, состояние, обозначаемое словом *веселый*, отличается тем, что не оценивается автором или субъектом, воспринимающим другого персонажа и оценивающим его, в положительном, желаемом ключе, а скорее в негативном модусе. Вспомним, например, размышления Кити о Стиве Облонском: *В самом деле, что ему [Левину] было делать? В карты он не любил играть. В клуб не ездил. С веселыми мужчинами вроде Облонского водиться, она уже знала теперь, что значило... это значило пить и ехать после питья куда-то. Она без ужаса не могла подумать, куда в таких случаях ездили мужчины. Ездить в свет? Но она знала, что для этого надо находить удовольствие в сближении с женщинами молодыми, и она не могла желать этого* (Анна Каренина)²³. За понятием «веселый мужчина», представителем которого является Стива Облонский, стоит предполагаемый алгоритм действий: (1) *пить*, (2) *ехать куда-то после питья*. Рассмотрим следующий пример: *Но вот товарищ брата, студент, весельчак, так называемый добрый малый, то есть самый большой негодяй, выучивший нас и пить и в карты играть, уговорил после попойки ехать туда. Мы поехали. Брат тоже еще был невинен и пал в эту же ночь* (Крейцера соната)²⁴. В отрывке мы видим ироническое осмысление качества человека, вербализованное лексемой *весельчак*, содержит иное наполнение, отличное от словарного (разг. «Разг. Тот, кто имеет веселый нрав, любит повеселиться»²⁵), сюда также включаются действия *пить, играть в карты, ехать туда*. Таким образом, положительное эмоциональное состояние, обозначаемое прилагательным *веселый* (в т. ч. и его дериваты) в вакхическом контексте приобретает дополнительные смыслы и является принадлежностью определенного социального типажа.

Выводы

Таким образом, основной оценкой в репрезентации ситуации винопития и человека в ней является социальная и в широком контексте этическая, эксплицирующая философские и мировоззренческие взгляды автора. Лексема *веселый* и ее дериваты (*повеселеть, весело, весельчак* и др.) в «вакхическом» контексте становятся маркерами определенного стиля поведения и распорядка жизни, оцениваемого в негативном ключе и, как следствие, выделяется социальный класс с определенным стереотипом поведения. Отличительной чертой в описании внешности или состояния вакхического человека является перцепция «извне», а не «изнутри», сенсорная оценка, даваемая персонажу автором или другим героем. Детализированность событийного ряда в произведениях Л.Н. Толстого позволяет постепенно перейти с уровня перцептивных оценок (ольфакторных, визуальных и др.) на уровень духовного мира героя и эксплицировать этические, философские взгляды автора.

²³ Толстой Л.Н. Анна Каренина: Роман в 8-ми ч. — М.: Художественная литература, 1985. — С. 633.

²⁴ Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 10. Повести и рассказы. 1872–1903. — М.: Художественная литература, 1975. — С. 191.

²⁵ Весельчак // Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. — С. 155.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и нравы русского дворянства (XVIII — начало XIX века) / Ю.М. Лотман. — 2-е изд., доп. — СПб: Искусство-СПБ, 1999. — 415 с.
2. Савченко А.В., Хмелевский М.С. «Культура питания» и ее отражение в украинском языке: лексике, фразеологии и паремиологии / А.В. Савченко, М.С. Хмелевский // *Językoznawstwo*. — 2018. — № 1(12). — С. 109–121.
3. Олянич А.В. Вакхический дискурс / А.В. Олянич // *Дискурс-Пи*. — 2015. — № 2(19). — С. 155–157.
4. Димитриева О.А. «В России пьяные люди у нас самые добрые...» (Об образе пьяного человека в произведениях Ф.М. Достоевского) / О.А. Димитриева // *Мир русского слова*. — 2019. — № 3. — С. 56–61. — DOI 10.24411/1811-1629-2019-13056.
5. Димитриева О.А. Особенности концептуализации ситуации винопития в произведениях Н.С. Лескова / О.А. Димитриева // *Научный диалог*. — 2020. — № 2. — С. 70–84. — DOI 10.24224/2227-1295-2020-2-70-84.
6. Ломакина О.В. Вербализация концепта «грех» фразеологическими средствами в языке Л.Н. Толстого / О.В. Ломакина // *Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: Труды и материалы международной конференции / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Э.А. Исламовой*. — Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018. — С. 130–134.
7. Ломакина О.В. Фразеологизмы и пословицы как смысловые доминанты художественного текста (на материале произведений Л.Н. Толстого) / О.В. Ломакина // *Вопросы филологии*. — 2011. — № 1(38). — С. 67–72.
8. Зыховская Н.Л. Ольфакторная составляющая концепта «вино» в русской прозаической традиции / Н.Л. Зыховская // *Челябинский гуманитарий*. — 2015. — № 2(31). — С. 61–69.
9. Зыховская Н.Л. Ольфакторная картина художественного мира русской прозы XI–XIX веков / Н.Л. Зыховская. — Челябинск: Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2015. — 391 с.
10. Филиппова Е.П. Роль описания в повести Л.Н. Толстого «Холстомер» / Е.П. Филиппова // *Л.Н. Толстой — мыслитель, художник, педагог и современность: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня смерти Л.Н. Толстого*. — Орехово-Зуево: МГОГИ, 2011. — С. 56.
11. Димитриева О.А. Особенности семантики прилагательного Веселый в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» / О.А. Димитриева // *Актуальные вопросы филологии, лингвистики и журналистики: Материалы научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава по итогам научно-исследовательской и научно-методической работы в 2020 году, Тирасполь / ред. Е.Г. Луговская, М.В. Фокша*. — Тирасполь: Издательство Приднестровского университета, 2021. — С. 21–25.

Dimitrieva Olga Albertovna

Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia
Scientific Research Institute of Ethnopedagogy named after Academician G.N. Volkov
E-mail: olgaal_79@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=799746

Researcher ID: <https://www.researcherid.com/rid/AAZ-3038-2020>

The image of the Bacchic man in the works of Leo Tolstoy

Abstract. This article examines the verbalization of the image of the Bacchic man in the works of Leo Tolstoy. The relevance of the study is due to its entry into the circle of studies related to the study of the author's idiostyle. The material for the study was a sample of contexts with bacchanalian vocabulary, i.e. those lexical units whose semantics are related to the situation of wine drinking, namely, characterize a person who drinks alcohol, his/her appearance, emotional and physiological state, manner of speech and features of gait and behavior in general. The research is based on the author's famous novels "War and Peace", "Anna Karenina", "Resurrection", as well as some short stories. It is revealed that the main assessment in the representation of the situation of wine drinking and the person in it is social and, in a broad context, ethical, explicating the philosophical and ideological views of the author. It is noted that the cheerful lexeme and its derivatives (poveselet' 'cheer up', veselo 'have fun', vesel'chak 'merry', etc.) in the "bacchanalian" context become markers of a certain style of behavior and routine of life, evaluated in a negative way and, as a result, a social class with a certain stereotype of behavior is distinguished. The author emphasizes that a distinctive feature in the description of the appearance or condition of a bacchanalian person is perception "from the outside", and not "from the inside", a sensory assessment given to the character by the author or another hero. The detail of the event series in the works of L.N. Tolstoy allows you to gradually move from the level of perceptual assessments (olfactory, visual, etc.) to the level of the spiritual world of the hero and explicate the ethical, philosophical views of the author.

Keywords: Leo Tolstoy; idiostyle; semantics of wine drinking; culture of drinking; national character; mentality; individual author's image of the world; linguistic worldview